

Баженова О.И.

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

Bazhenova O.I.

TO THE PROBLEM OF CLASSIFICATION OF LEGAL ENTITIES IN CONSTITUTIONAL LAW

На фоне продолжающегося процесса конституционализации права, призванного подчеркнуть особую, фундаментообразующую, роль конституционного права для правовой системы, в статье обсуждается вопрос о классификации коллективных субъектов права как юридических лиц (в его общеправовом значении) с учетом накопленного опыта решения этой проблемы в науке гражданского и административного права.

Ключевые слова: юридическое лицо, частное и публичное право, корпорация, учреждение, публично-правовое образование.

The article discusses the issue of classifying collective subjects of law as legal entities, taking into account the experience in the science of civil and administrative law.

Keywords: legal entity, private and public law, corporation, institution, public legal entity.

Отказ от политической обусловленности вопроса о системе коллективных субъектов конституционного права, т.е. от его прямой связанности с задачей обеспечения политической целостности государства и тем самым обоснования (оправдания) его исключительной политической субъектности, не отрицает потребности в систематизации и классификации знаний о них. Важнейшее значение в этом направлении приобретает систематизация и классификация юридических лиц.

Вопрос о такой систематизации имеет большое значение для науки конституционного права, желающей – на почве, стоящей перед нею интегративной задачи – охватить познанием социальных субъектов, за которыми признан статус юридического лица. Это важнейшее условие доктринального конструирования юридической субъектности, «перехода» от признанного конституционным правом социального коллектива (социального института) к правовому субъекту (юридическому лицу) с учетом характерных для такого коллектива юридически значимых особенностей, обусловленных его происхождением, функциями, спецификой сфер общественной жизни, в которой они преимущественно функционируют, и пр. Чем более разносторонней и содержательной является такая классификация, тем более

полно она охватывает социологические особенности, выражая их в правовом статусе социальных коллективов как субъектов права. В таком охвате наука конституционного права, используя аналитические возможности, преодолевает чрезмерную политизированность и одновременно создает условия для укрепления и процветания плюрализма в современном государственно организованном обществе, отражая богатейшую социальную жизнь человека с ее различных сторон.

Впрочем, потребность в систематизации и классификации представлений о юридических лицах отрицают отдельные представители цивилистической науки, в руках которых этот вопрос находился на протяжении длительного времени (и они продолжают претендовать на его разрешение, отправляясь от цивилистического предназначения этой категории). В частности, по мнению И.П. Грешникова, разграничение отдельных видов организаций со статусом юридического лица сравнимо с разделением права собственности на формы; статус юридического лица един независимо от организационно-правовой формы, порядка образования или собственника имущества [1]. Подобная постановка вопроса вполне правомерна, но лишь при узком подходе к предназначению категории юридического лица: ее использование в качестве уни-

версального правового инструмента обеспечения внешней обособленности, необходимого для участия в правовых (узко – в гражданско-правовых) отношениях, действительно не требует какого-либо различения таких лиц. Каким бы ни было происхождение и внутреннее организационное устройство юридического лица, оно не влияет на единственно важный в этом случае факт его обособленности и, наоборот, признание юридического лица (внешней юридико-технической оболочки) никоим образом не может предопределять особенностей организационного устройства социального соединения со статусом юридического лица. Оттого и непринимаемые О.А. Серовой попытки опровергнуть данную позицию при сохранении приверженности узкому подходу к предназначению юридического лица несостоятельны. Ее стремление выявить определенные содержательные параметры внутреннего строения организации, не охваченные «правовой оболочкой», не имеют при таком подходе отношения к самой категории юридического лица.

Систематизация и классификация юридических лиц имеет важное для юриспруденции значение только в случае более широкого подхода к предназначению этой категории. Взгляд на юридическое лицо как конституционно-правовую форму организации социального коллектива и – в неизменной взаимосвязи - обеспечения его правовой субъектности ставит в зависимость от точного их различения и отражения в юридических конструкциях эффективность правового регулирования внутриорганизационного устройства (корпоративных отношений), а тем самым и эффективность участия в правовом (в том числе гражданском) обороте.

Классификация юридических лиц в конституционном праве может быть проведена по двум значимым с конституционно-правовой точки зрения критериям (основаниям): 1) соотношение частного и публичного в категории юридического лица, результатом чего является различение юридических лиц частного и публичного права, 2) способ образования социального субъекта, приобретающего статус юридического лица, результатом чего является их деление на корпорации и учреждения.

Центральным и наиболее сложным для классификации предстает основанное на соотношении частного и публичного различение юридических лиц частного и публичного права. Но оно несостоятельно в том виде, в котором представлено в современной литературе.

Прежде всего это касается проводимого на цивилистической почве различения юридических лиц частного и публичного права, основанного на цивилистическом характере категории юридического лица. На фоне единодушного признания неизбежной публичной составляющей в механизме гражданско-правового регулирования, игнорирование которой создает опасность социальных потрясений современная наука гражданского права настаивает на необходимости разработки научного и законодательного понятия юридического лица публичного права (М.И. Кулагин, Н.Е. Кантор, Н.В. Козлова, В.Ф. Яковлев) [2]. Полагая основными признаками таких лиц публичного характера преследуемых целей, наличие властных полномочий, особый характер членства, к ним относят публично-правовые образования, создаваемые государством (публично-правовыми образованиями) коммерческие организации, некоммерческие организации, а также органы государственной и муниципальной власти. Через обособление (перечисление) юридических лиц публичного права, наука гражданского права стремится в конечном счете создать условия реализации принципа равенства участников гражданско-правовых отношений с учетом природы каждого из них. Такое обособление поддержано отдельными представителями науки конституционного права, поскольку оно способствует упорядочению регламентации участия в гражданских правоотношениях публично-правовых образований и их органов [3].

Но как бы ни стремилась наука гражданского права решить данную проблему путем обособления юридических лиц публичного права, с одной стороны, демонстрируя их публичную природу, а с другой, - допуская в гражданский оборот «в форме», исключающей ее использование (использование публично-властных полномочий), ей не удастся. Во-первых, это относится к публично-правовым образованиям, суть обладающим публично-властными полномочиями социальным (политическим) субъектам. Вне зависимости от того, признаются ли - в опоре на положения ст. 124 Гражданского кодекса Российской Федерации – публично-правовые образования «подвидом» юридических лиц (А.В. Костин, О.А. Ястребов) [4] подвидом юридических лиц, либо субъектами, приравненными к ним в случае вступления в гражданский оборот (О.Е. Кутафин, О.А. Серова) [5], желание гражданско-правовой науки «отгородиться» от их публично-властной природы правовой

формой, нереализуемо. Во-вторых, не менее отчётливо несостоятельность цивилистического подхода к категории юридического лица публичного права проявляется при обращении к унитарным предприятиям и учреждениям, создаваемым государством в целях решения социально значимых задач. Как широко известно, признание таких предприятий (учреждений) субъектами права независимо от особенностей их публично-правовой природы, отчетливо выраженной во внутри-организационном устройстве, в том числе в особом положении учредителя и содержании его прав в отношении предоставленного имущества, не достаточно для их фактического равенства с иными участниками гражданского оборота. Из сказанного не следует вывода о необходимости избавиться от унитарных предприятий как не характерных для рыночной экономики, на чем на протяжении длительного времени настаивает Е.А. Суханов. [6] Нельзя не учесть и того, что замена унитарных предприятий на классические частноправовые формы (акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью) не только не принесла желаемого равенства в обороте, но, напротив, усилила и без того существовавшее неравенство одновременно увеличив объем и масштабы злоупотреблений ею. Такие формы нередко предстают гражданско-правовой декорацией, за которой скрываются как политические амбиции государства в экономической сфере, так и коррупционные интересы государственной бюрократии. Иначе говоря, вместо нивелирования особенностей унитарных предприятий, отказа от них с соответствующей заменой на классические корпоративные формы цивилистической науке следовало бы озаботиться более глубокой, учитывающей сложное взаимопроникновение частного и публичного, проработкой их конструкции.

В этой связи гораздо больший интерес представляют разработки категории юридического лица публичного права, на почве – под влиянием теории С.И. Архипова [7] – общеправового подхода к предназначению юридического лица.

В.Е. Чиркин, впервые поставивший данный вопрос в современной юридической науке (науке публичного права), указал на ключевой признак юридического лица публичного права – его связанность с публичной властью в различных ее проявлениях (законное применение, сотрудничество, давление на нее). На этом основании он предлагает классификацию юридических лиц публичного права, на-

правленную на построение их общетеоретической системы. Положив в основу такой классификации четыре признака (способ отношений и связей с публичной властью; организационно-правовая форма; порядок создания; способы деятельности), он различает пять родов юридических лиц публичного права: 1) государство и государственные (государствоздобные) образования (субъекты федерации и территориальные автономии); 2) территориальные публичные коллективы разного уровня; 3) органы публичной власти; 4) учреждения публичной власти; 5) некоммерческие организации общественного характера [8].

Но представленная как общетеоретическая система юридических лиц публичного права обнаруживает недостатки, обусловленные прежде всего чрезмерным акцентом на связанности с публичной властью. В этой связи к юридическим лицам публичного права он отказывается отнести не только религиозные организации и «клубы» по интересам, поскольку тем не могут передаваться отдельные полномочия государственных и муниципальных образований, но и коммерческие организации с участием публично-правовых образований, полагая их юридическими лицами частного права вне зависимости от степени присутствия в них публичного элемента.

Важные уточнения в этой связи вносит О.Я. Ястребов. Признав в целом удачной формулу В.Е. Чиркина, описывающую связь юридических лиц публичного права с публичной властью, где одни являются носителями публичной власти, другие – в той или иной мере участвуют в ее реализации, третьи – вступают с ней в различные формы взаимодействия, борются за публичную власть либо оказывают на нее давление в рамках установленного правопорядка, он в то же время дает более широкий взгляд на центральный для обособления и систематизации представлений о юридических лицах публичного права критерий. Вместо критерия (признака) интеграции организации в систему государственной власти он полагает таковым интегрированность в политическую систему. Это, по его мнению, существенно расширяет формы связи юридических лиц публичного права с публичной властью: теперь они не исчерпываются законным применением, сотрудничеством с публичной властью и давлением на нее, но допускают иные варианты, в том числе координацию, взаимопомощь, взаимоконтроль. Это, в свою очередь, позволяет уточнить и классификацию юридических

лиц публичного права, охватив этим понятием как обладающих властными прерогативами, так и не наделяемых ими, т.е. признать таковыми все некоммерческие общественные организации, включая религиозные, с характерной для них различной интенсивностью проявления признаков юридического лица публичного права [9].

В то же время принять этот подход безоговорочно вряд ли возможно. Предложенный им – расширенный – критерий идентификации юридических лиц публичного права направлен по сути на те же цели, что и критерий В.Е. Чиркина, но гораздо в более узких границах: если для последнего ключевую роль играет его связь с публичной властью в ее широком смысле, то для О.А. Ястребова – исключительно с точки зрения публичного управления. Оттого он признает тождество между интегрированностью в политическую систему и интегрированностью в систему публичного управления, очевидно подменяя первое вторым. Именно последняя и выступает главным основанием обособления юридических лиц публичного права, а сами такие лица оказываются сведены к публичным субъектам публичных правоотношений.

В такой постановке, во-первых, нивелируется общеправовой характер категории юридического лица. Опираясь на ее общеправовую значимость, О.А. Ястребов в то же время полагает правосубъектность не «конституционным» (конститутивным? – Прим. наше. О.Б.) признаком юридического лица как родового понятия, а его видовым признаком, отличающий юридическое лицо — субъекта гражданских правоотношений от юридического лица — субъекта публичных правоотношений. И если внесенные на этой почве уточнения в классификацию юридических лиц публичного права расширяют перечень таких лиц, то неверно определяют основания для этого. Наиболее отчетливо это проявляется при анализе причин включения публичных (государственных и муниципальных) предприятий в систему юридических лиц публичного права. Отграничивая публичные предприятия от «обществ с государственным участием» как юридических лиц частного права, он видит их специфику в том, что они «состоят в децентрализованных отношениях с публичной администрацией и ... могут наделяться отдельными публичными полномочиями» [9]. Однако вопрос их признания юридическими лицами публичного права обусловлен не фактом их наделяния публично-властными полномочиями,

а их публично-правовой природой, целью создания. Признаваемые же за ними полномочия связаны, как правило, с осуществлением деятельности в области оказания социальных услуг.

Постановка вопроса о разграничении юридических лиц частного и публичного права на почве общеправового подхода к субъекту права заслуживает безусловной поддержки. В соответствии с заданными конституционными ориентирами в системе юридических лиц могут быть выделены две группы: юридические лица частного и публичного права: юридические лица в области экономической деятельности как сферой производства товаров (работ, услуг), и юридические лица в области политической, связанной с организацией и осуществлением публичной власти (в самом широком ее смысле), или «производства» общества в условиях его государственной организации. Это центральное деление, на почве которого возникают и различно себя проявляют критерии частного и публичного, предопределяя во многом принципы организации союзов, или их внутреннего организационного устройства, и их деятельности. Такое деление предстает первичным для науки конституционного права. С одной стороны, оно позволяет подчеркнуть значимость публичного, прежде всего конституционного, права в ключевом для экономической организации вопросе о субъектах, а с другой – возратить приоритетное значение перед административным правом, поставив заслон на пути все большей его экспансии. В конституционном праве, выходящем за границы «просто публичного» права, вопрос о соотношении частного и публичного и их взаимопроникновении разворачивается наиболее полно.

Второй не менее значимый классификационный критерий – способ образования социального коллектива (социального субъекта), приобретающего статус юридического лица. В зависимости от этого среди юридических лиц различают корпорации и учреждения. Под корпорацией понимается союз лиц, т.е. организованный на началах добровольности коллектив, воля которого определяется интересами входящих в его состав индивидов; под учреждением – образуемый на почве предоставленных (частных либо публичных) материально-технических ресурсов социальный институт, необходимый для целей обеспечения общего интереса.

Это базовое для юридических лиц деление, впервые обоснованное в немецкой

юридической науке, имеет, без всякого преувеличения, огромное значение для задачи систематизации и классификации юридических лиц на почве конституционного права.

Будучи введенным О. Гирке по результатам анализа средневековой немецкой корпоративной жизни, оно было призвано – на фоне борьбы с индивидуализмом – подчеркнуть германские союзы (товарищества) в противовес римской корпорации как фингированному лицу, учрежденному государством и отличному от входящих в его состав индивидов. Различая корпорации (товарищества) и институты, он полагал «зерном личности» последних «не имманентную ей общую волю, а трансцендентную учредительную волю, которую органы лишь развивают, а изменить не могут» [10].

В то время как такое деление оказалось широко воспринято континентальной традицией, оно оказалось неприемлемым для англосаксонской доктрины. Она никогда не знала товарищества в том смысле, в котором его понимал О. Гирке, а возникшее в ней понятие корпорации – под влиянием теории *corporation sole* – носило характер учреждения, а не союза, или товарищества немецкого права. Наряду же с этой «жестко учрежденческой и ориентированной на господство» формой появились доверенные лица (*trustee*), чьи права были обращены на пользу конкретных адресатов или публики в целом; такие *trustee* («суррогат понятия «должность»») служил техническим инструментом там, где в континентальном праве возникло понятие «целевого имущества» [11].

Впрочем, воспринятое континентальной традицией деление на корпорации и учреждения приобрело – в связи с преимущественно цивилистическим (экономическим) характером юридического лица и на почве потребностей капиталистической экономики – принципиально иной характер. С одной стороны, понятие корпорации приобрело центральное значение как связанное с ценностью экономической свободы и оказалось напрямую связано с важным для экономического «строя» вопросом членства в корпорации¹. С другой стороны, особую актуальность приобрел и вопрос об учреждениях в связи с расширением вмешательства государства в экономическую деятельность в целях выполнения принятой на

себя социальной функции. По мнению Н.С. Суворова, «институт учреждается для преследования постоянной цели, требующей непрерывающегося достижения» и этой цели «назначается новое имущество»; определяющий признак учреждений — управление имуществом для достижения цели, определенной учредителем [12]. Такими целями выступали не только цели социально-экономические, связанные с предоставлением социально значимых услуг, но и цели управленческого характера.

Такому делению противостоял Д.Д. Grimm, полагая неверным «расхождение разграничения между корпорациями и учреждениями, заключающееся в признании одних союзами лиц, а других имущественными комплексами, пользующимися самостоятельной правоспособностью». «Как корпорации, так и учреждения суть союзные образования», – подчеркивал он [13]. С одной стороны, в таком утверждении очевидно недооценивалась значимость такого деления пусть и в сугубо цивилистических границах. Деление юридических лиц на корпорации и учреждения было призвано обозначить влияние значимого для экономической деятельности момента происхождения на юридический статус социального соединения (института) с тем, чтобы, как минимум, решить вопрос его ответственности, а тем самым и определить основные принципы его организации и деятельности. Но с другой стороны, Д.Д. Grimm подобной постановке вопроса отчетливо подчеркивалась одна безусловно важная мысль: любой социальный субъект, обладающий статусом юридического лица, есть социальный союз, в котором входящие в его состав лица совместно стремятся к достижению целей союза, вне зависимости от способа его образования, целей (предназначения) и пр. Значимость этой мысли многократно увеличивалась на фоне предпринимавшихся попыток отказаться вовсе от категории субъекта права (юридического лица) и утвердить теорию бес-субъектного (целевого) имущества (А. Бринц), а также все более прочно утверждавшегося понимания корпорации как объединения капитала.

Однако поддержки в цивилистической науке она, к сожалению, не получила. Против нее в условиях капиталистической экономики утверждалась и практически укреплялась прямо противоположная установка, акцентирующая внимание на первостепенной значимости капитала, поддержанная влиятельнейшими экономическими теориями. Во-первых, это за-

¹ К примеру, по словам Д.И. Мейра, сутью процесса образования юридического лица в форме корпорации является «переход личности от отдельных членов союза к самой совокупности». См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. С. 119.

тронуло корпорации. Несмотря на продолжающуюся дискуссию о ее природе («объединение лиц либо объединение капитала»), практическую значимость все чаще играл последний момент. Обозначенное же различие – на фоне узкой, цивилистической, постановки о членстве – перешло в плоскость различий организационно-правовых форм, где товарищество воплощало объединение лиц, а акционерное общество «чистую форму» объединения капитала. Сказанное укреплялось и постепенным взаимопроникновением, и взаимообогащением правовых «семей»: по мере укрепления капиталистической экономики корпорация в англо-саксонской традиции воплощала имущественный комплекс (обособленный капитал), решая существенный – в условиях индивидуалистической традиции – вопрос о статусе акционеров в корпоративном праве. Такое положение усугублялось всеобщим признанием «компаний одного лица», подчеркивавшим первостепенную роль капитала, а не количества учредителей (участников). Наконец, немалую роль для утверждения корпораций сыграло развитие корпоративной теории, упрочившей положение органов управления корпораций и тем самым бюрократизировавших корпорацию.

Во-вторых, на фоне усиления вмешательства государства в социально-экономические процессы все большее значение приобретали юридические лица учрежденческого типа как правовая форма удовлетворения потребностей общественного быта на материальной платформе, предоставленной государством. Конструируемые на этой платформе организационно-правовые формы юридических лиц были различными – это публичные предприятия (с правосубъектностью и без таковой), учреждения, фонды, отражая дифференциацию форм участия государства в экономике. Практика их создания получила широкое распространение как в Германии (сберегательные учреждения местных властей, предприятия коммунального обслуживания, школы, культурные учреждения (например, библиотеки, театры и общественные телерадиовещательные учреждения), тюрьмы, скотобойни, водоснабжение, сбор сточных вод и учреждения вывоза отходов, т.е. предприятия со специальными функциями в управлении экономикой, в банковских учреждениях и пр., фонды, создаваемые специальным законом в целях управления конкретной культурной и/или исторической ценностью (хранящейся, например, в музее Берлина) и пр.), так

и во Франции. Но наиболее широкое распространение юридические лица учрежденческого типа получили в советской практике, став преимущественным способом организации экономики, вне зависимости от их организационно-правовой формы. Различие между организационно-правовыми формами проводилось прежде всего в характере связи с экономическим оборотом: предприятия выступали непосредственными субъектами экономической (производственной) деятельности, учреждения вовлекались в экономические (гражданско-правовые) отношения лишь в той части, в которой это требовалось для достижения их социальных (культурных, управленческих и пр.) целей.

Попытки провести деление юридических лиц на корпорации и учреждения предпринимались и в области публичного (государственного (конституционного) и административного) права. Корпорациями у Г. Еллинека, например, признавались государства, общины [14]. Но такое признание имело не юридическое значение, а отражало лишь союзную природу указанных соединений. Наиболее глубоко в этом вопросе зашел, на наш взгляд, И.А. Ильин, смотревший на государство как корпорацию, а не учреждение, обслуживающее нужды других. Государство как корпорация есть юридическое лицо, включающее в себя тех, для которых оно существует [15]. Однако такое признание оставалось юридически не обеспеченным.

Иначе говоря, взгляд на корпорацию как преимущественный, рациональный тип союзной жизни, основанный на согласии участников, (членов), не получил практического подтверждения. Оказавшаяся под влиянием экономических и политических процессов корпорация предстала воплощением капитала и рационального (бюрократизированного) способа управления. Корпоративные по форме организации представляли, используя логику И.А. Ильина, учреждениями по факту.

На фоне современной, поставленной перед социальными науками, в том числе юриспруденцией, задачи признания центральной значимости деятельности свободы личности вопрос о делении юридических лиц на корпорации и учреждения вновь обретает значение.

Неудивительно, что усилия по обновлению указанного деления предпринимает российская цивилистическая наука и законодательство, желающие – в условиях возвращения к экономике рыночного типа – усилить корпоративное начало и придать корпорации определяющий ха-

рактически. Этому способствует проведенное в результате реформы гражданского законодательства деление всех организаций на корпорации и иные юридические лица некорпоративного характера. Основанием такого деления выступает наличие либо отсутствие «членства», которое предполагает особые «корпоративные» права участников по отношению к организации. Выставленная в центр современной системы юридических лиц корпорация позволяет преодолеть прежний, советский, подход к формированию организаций и признать центральную роль собственника, следуя формам, сложившимся в капиталистической экономике иных правопорядков.

Но в этом случае, во-первых, корпорация хотя и принимает значение родовой категории, но остается узкой по предназначению. Как замечает Е.А. Суханов, опираясь на зарубежный опыт, право корпораций (corporate law) исключает из сферы своего действия партнерства (товарищества, или «объединения лиц» (пользуясь европейской, прежде всего германской, терминологией); американское право рассматривает корпорации лишь «объединение капиталов» [16]. Оттого О.А. Серова желает выделить в отдельную - наряду с корпорациями и учреждениями - группу товарищества «в соответствии с ретроспективным подходом (методом), позволяющим проникнуть к истокам изучаемого явления» [17]. Но насколько состоятельна такая потребность, а главное, действительно ли можно ограничиться указанным подходом к корпорации на фоне разочарования и критики корпораций, поиска их связи – в том числе путем возвращения к установкам О. Гирке – с человеком, с взаимообусловленным характером его действий.

Во-вторых, неоспорен и акцент на особом – корпоративном – механизме управления корпорацией. Как небезосновательно подчеркивает Н.В. Козлова, корпоративные отношения возникают не только внутри корпорации, но существуют между любым юридическим лицом, его учредителями и управляющими, даже если юридическое лицо относится к категории учреждений [18]. Оттого и ключевой вопрос заключается не в наличии / отсутствии корпоративного механизма как такового, а в особом характере отношений, складывающихся в организации, имеющей статус юридического лица, в зависимости от того, идет ли речь о корпорации либо об учреждении. В этой связи перед современной юридической наукой стоит, на наш взгляд, более сложная

задача – не только вдохнуть новую жизнь в современные экономические формы корпоративной организации, но и придать создаваемым (преимущественно) государством учреждениям характер социального союза.

Не меньшее значение обновление сложившегося деления на корпорации и учреждения имеет для юридических лиц публичного права. Утверждение такого деления с соответствующей идеей корпорации может сыграть немалую роль в преодолении чрезмерной бюрократизации публичной (политической) жизни, а также дуализма субъектов конституционного права (признания отдельными субъектами права социальных общностей и органов публичной власти). Эта идея, приложенная к субъектам публичной власти, позволяет обновить представление о публично-правовых образованиях, соединив в едином правовом механизме основанную на конституционных (политических) правах деятельность граждан и формируемых ими, подконтрольных и подотчетных им органов власти.

Деление юридических лиц на корпорации и учреждения, поставленное в более широкий, конституционно-правовой, контекст призвано не обеспечить развитие корпораций как преимущественных форм экономической организации, а – на почве общеправового подхода к категории юридического лица – представить корпорацию в ее изначальном смысле как воплощение рационального, основанного на согласии союза и создать правовые условия его практической реализации. Этому служит правовая конструкция юридического лица. Сказанное в равной мере относится к юридическим лицам как частному, так и публичному праву.

Впрочем, сегодня допустима и более широкая постановка вопроса. Различение корпораций и учреждений позволяет выстроить систему юридических лиц с учетом способа их возникновения и вытекающим отсюда характером взаимной связи между входящими в состав социального соединения лицами. Учет природы такой взаимосвязи способствует урегулированию в общем виде структуры управления и статуса органов корпораций с тем, чтобы создать правовые условия для движения общества в направлении к социальным союзам. Такое регулирование, принимающее различный характер для юридических лиц частного и публичного права, остается общим в своей конечной задаче – в признании всех без исключения юридических лиц социальными союзами.

Таким образом, предпринимаемые современной наукой конституционного права усилия по систематизации и классификации коллективных субъектов права по-прежнему играют важную роль. Приобретающая на этой почве центральное значение классификация юридических лиц, где юридическое лицо есть общеправовая категория, опирается на два критерия: первый из них отражает сложное взаимопроникновение частного и публичного начал в вопросы организации и деятельности социальных субъектов, подразделяя их – в зависимости от роли в обществе – на экономические (юридические лица частного права) и иные (публично-право-

вые образования, учреждения, общественные объединения) организации (юридические лица публичного права); второй критерий, ведущий к делению на корпорации и учреждения, отражает различное происхождение социальных субъектов (соединений), требующее учета в их внутриорганизационном устройстве. Использование указанных критериев классификации юридических лиц в конституционном праве в вопросе систематизации коллективных субъектов права способствует выполнению им на «собственно правовой» (а не политической) почве задач упорядочения и интеграции в государственно организованном обществе.

Литература

1. Грешников И.П. Субъекты гражданского права. СПб., 2002.
2. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М., 1987; Кантор Н.Е. Гражданско-правовые проблемы создания и деятельности юридических лиц, учреждаемых публично-правовыми образованиями: дисс...канд. юрид. наук. М., 2006; Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. М., 2003; Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2006.
3. Кутафин О.Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица. М., 2007.
4. Костин А.В. Особенности Российской Федерации, федеральных и муниципальных образований как субъектов гражданского права: дисс...канд. юрид. наук. М., 2002; Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: сравнительно-правовое исследование: дисс. докт. юрид. наук М., 2010.
5. Серова О.А. Указ. соч. С. 132; Кутафин О.Е. Указ. соч. С. 14.
6. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право М., 2014.; Болдырев В.А. Конструкция юридического лица-несобственника: опыт цивилистического исследования. М., 2012.
7. Архипов С.И. Субъект права. СПб., 2004.
8. Чиркин В.Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 87 – 101; Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. С. 7-39.
9. Ястребов О.А. Указ. соч. С. 156.
10. Gierke O. Natural Law and The Theory of Society 1500 to 1800. London, 1934; Gierke O. Associations and Law. The Classical and Early Christian Stages / ed. G. Heiman. Toronto, 1977.
11. Maitland F.W. State, Trust and Corporation. Cambridge University Press. 2003; Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 3.: Право. М., 2016.
12. Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 115.
13. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М., 2003 (1907). С. 125.
14. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.
15. Ильин И.А. Теория права и государства. М. 1915. С. 161 -162, С. 166.
16. Суханов Е. А. Ю. К. Толстой на путях поиска «людского субстрата» юридического лица // Правоведение. 2007. № 3. С. 186.
17. Серова О.А. Указ. соч. С. 70.
18. Козлова Н.В. Гражданско-правовая природа отношений между юридическим лицом и его учредителями // Законодательство. 2004. № 7, 8.

References

1. Greshnikov I.P. Sub'yekty grazhdanskogo prava. SPb., 2002.
2. Kulagin M.I. Gosudarstvenno-monopolisticheskiy kapitalizm i yuridicheskoye litsa. M., 1987; Kantor N.Ye. Grazhdansko-pravovyye problemy sozdaniya i deyatel'nosti yuridicheskikh lits, uchrezhdayemykh publichno-pravovymi obrazovaniyami: diss...kand.yurid.nauk. M., 2006; Kozlova N.V. Ponyatiye i sushchnost' yuridicheskogo litsa. Ocherk istorii i teorii. M., 2003; Yakovlev V.F. Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy. M., 2006.
3. Kutafin O.Ye. Sub'yekty konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii kak yuridicheskiye i priravnennyye k nim litsa. M., 2007.
4. Kostin A.V. Osobennosti Rossiyskoy Federatsii, federal'nykh i munitsipal'nykh obrazovaniy kak sub'yektov grazhdanskogo prava: diss...kand. yurid. nauk. M.,

- 2002; Yastrebov O.A. Yuridicheskoye litsa publichnogo prava: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye: diss. dokt...yurid. nauk M., 2010.
5. Serova O.A. Ukaz. soch. S. 132; Kutafin O.Ye. Ukaz. soch. S. 14.
6. Sukhanov Ye.A. Sravnitel'noye korporativnoye pravo M., 2014.; Boldyrev V.A. Konstruktsiya yuridicheskogo litsa-nesobstvennika: opyt tsivilisticheskogo issledovaniya. M., 2012.
7. Arkhipov S.I. Sub'yekt prava. SPb., 2004.
8. Chirkin V.Ye. O ponyatii i klassifikatsii yuridicheskikh lits publichnogo prava // Zhurnal rossiyskogo prava. 2010. № 6. S. 87 – 101; Chirkin V.Ye. Yuridicheskoye litsa publichnogo prava. S. 7-39.
9. Yastrebov O.A. Ukaz. soch. S. 156.
- Gierke O. Natural Law and The Theory of Society 1500 to 1800. London, 1934; Gierke O. Associations and Law. The Classical and Early Christian Stages / ed. G. Heiman. Toronto, 1977.
11. Maitland F.W. State, Trust and Corporation. Cambridge University Press. 2003; Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t. T. 3.: Pravo. M., 2016.
12. Suvorov N.S. O yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu. M., 2000. S. 115.
13. Grimm D.D. Lektsii po dogme rimskogo prava. M., 2003 (1907). S. 125.
14. Yellinek G. Obshcheye ucheniye o gosudarstve. SPb., 2004.
15. Il'in I.A. Teoriya prava i gosudarstva. M. 1915. S. 161 -162, S. 166.
16. Sukhanov Ye. A. YU. K. Tolstoy na putyakh poiska «lyudskogo substrata» yuridicheskogo litsa // Pravovedeniye. 2007. № 3. S. 186.
17. Serova O.A. Ukaz. soch. S. 70.
18. Kozlova N.V. Grazhdansko-pravovaya priroda otnosheniy mezhdu yuridicheskimi litsami i yego uchreditel'yami // Zakonodatel'stvo. 2004. № 7, 8.

БАЖЕНОВА Ольга Ивановна, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119234, г. Москва, ул. Колмогорова, 1 строение 13. E-mail: const@law.msu.ru

BAZHENOVA Olga Ivanovna, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov. 119234, Moscow, st. Kolmogorova, 1 building 13. E-mail: const@law.msu.ru

